
Статья посвящена терракту в городе Москве аэропорт Домодедово, что влечет за собой кардинальную переоценку ценностей человека и его мотивационные побуждения, по поводу понимания жизни как дарованного эксплицированного бытия и онтологии природы человека.

Article is devoted terr act in the city of Moscow the Domodedovo airport that involves cardinal reevaluation of values of the person and its motivational promptings, concerning understanding of life as granted of explicating lives and human nature ontologies.

Р.С. Гаршин

ОТЧУЖДЕНИЕ В МАССОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Одним из фундаментальнейших свойств массового общества, которое отличает его от всех предшествующих типов обществ, является *отчуждение*, достигающее в нем небывало высокого уровня и пронизывающее всю его структуру. Это свойство подробно описано в многочисленной художественной и философской литературе XX века, указания на отчуждение или его проявления можно найти в любом социально и экзистенциально ориентированном тексте, начиная с 20-х гг. и по настоящее время. Самоощущения отчужденной личности с большой яркостью и остротой были переданы в своих романах и повестях Ж.-П. Сартром, А. Камю, О. Хаксли, в философской литературе отчуждение в обществе модерна описывали К. Ясперс, Э. Фромм, Г. Маркузе. Ж. Бодрийяр, и многие другие авторы, простое перечисление имен которых заняло бы не одну страницу. В настоящей статье мы имеем целью объяснение роста отчуждения как процесса имманентного качественному развитию массового общества, исторически и логически связанного с идеологией модерна.

Прежде всего, поясним, что то отчуждение, которое мы собираемся здесь показать, хотя и совпадает во многом, но несколько отличается от отчуждения, проанализированного Марксом [1], поскольку Маркс обосновывал чисто политэкономическое содержание понятия; наше же отчуждение, хоть и имеет много общего с марксовым, но распространяется гораздо дальше и глубже последнего в силу следующей причины. Она состоит в том, что во времена Маркса, когда массовое общество еще не проявило себя в полной мере как качественный феномен, финансово-экономические отношения, рациональные цели и способы деятельности, практикуемые в обществе распространялись на довольно ограниченную сферу хозяйствования, быта и практических потребностей человека (с чем и было отчасти связано понимание Марксом экономики как «базиса», а политики, культуры и

идеологии как «надстройки» над ней). И в этом смысле оставались еще довольно обширные сферы свободной человеческой деятельности, не затронутые экономикой и относительно независимые от нее. Под независимостью, или свободой, здесь следует понимать внеутилитарность, внутреннюю необходимость, имеющую собственную ценность в самой себе. В этом смысле культурное бытие человека, его социальное и политическое бытие (правда в разной мере и степени) являли собой автономные области бытия как целого; с дальнейшим же развертыванием сущностных характеристик массового общества соотношение сил и распределение автономии отличных друг от друга частей целого в корне меняется.

Итак, то отчуждение, которое нарастало пропорционально развитию массового общества, не есть отчуждение работника (производительной силы) от продукта своего труда, а есть *отчуждение личности от собственной свободы*, от самобытия, хотя оно и происходит прежде всего в труде и его продуктах, привязывающих личность к целому общества и координирующих ее деятельность с социальной системой. Эта привязка, зависимость от социального-экономического строя становится тем жестче, чем строже становится разделение труда, навязываемое этим строем. Более глубокая же дифференциация труда является следствием возрастания численности общества и разрастанием аппарата обеспечения его жизнедеятельности. Таким образом, огромный аппарат обеспечения существования – мегамашина, имея тенденцию превращать людей в узко-специализированные функции, вплетает их существование в широкую и разветвленную сеть социальных связей, которые представляют собой зависимости; превращая их в простые объекты администрирования, изымает их из субстанциального содержания жизни, в которой они больше не занимают определенного места. Систему начинает конституировать аппарат,

иерархизирующий существование, а не историческая субстанция, которую люди наполняют своим индивидуальным бытием. «Глубокая, существовавшая раньше истина – каждый да выполняет свою задачу на своём месте в сотворённом мире – становится обманчивым оборотом речи, цель которого успокоить человека, ощущающего леденящий ужас покинутости. Всё, что человек способен сделать, делается быстро. Ему дают задачи, но он лишен последовательности в своём существовании. Работа выполняется целесообразно, и с этим покончено. В течение некоторого времени идентичные приёмы его работы повторяются, но не углубляются в этом повторении так, чтобы они стали достоянием того, кто их применяет; в этом не происходит накопления самобытия» [2, 41].

Поскольку человек есть свободное существо, как таковое в значительной мере конституирующее себя посредством труда, то в отчужденном труде мы имеем отчуждение человека от свободы как целостного феномена, включающего в себя свободное время (которое Маркс видел главным критерием богатства общества), но не исчерпывающийся им. Проблема в том, что свободы как целостности невозможно достичь посредством отчужденного, механического труда, ни к процессу, ни к результату которого человек не испытывает никаких эмоций. В индустриальном же и постиндустриальном массовом обществе отчуждение труда достигло необычайно высокого уровня. Механичность автоматизированного производственного процесса, рутинность офиса, ритуал покупки и продажи почти полностью освободились от всякой связи с проявлением человеческих возможностей. «Трудовые отношения между людьми в значительной степени превратились в отношения между обезличенными и вполне допускающими замену объектами научного управления и квалифицированными экспертами... Индивидуальность дана в буквальном смысле только как имя, как специфический представитель типа (как, например: авантюристка, домохозяйка, Ундина, он-мужчина, деловая женщина, становящаяся на ноги молодая семья)... Под этой иллюзорной поверхностью весь мир как в сфере труда, так и в сфере отдыха превратился в систему одушевлённых и неодушевлённых предметов, которые все в равной степени подлежат администрированию. В этом мире человеческое существование – не более чем вещь, вещество, материал, не заключающий в себе принципов собственного движения» [3, 93-94].

Фактически, в результате чрезмерной специализированности труда, личность человека

все больше начинает становиться придатком к его социальной функции, которая почти целиком сводится к своей экономической роли. Все чаще слышатся рекомендации о том, что надо создать условия для привлечения специалистов, или о том, как приспособить свои человеческие качества для достижения успеха, но почти никогда наоборот – что надо привлекать специалистов для создания условий для чего-то иного, или как использовать экономические достижения для построения своей человеческой личности. Свободное человеческое сознание все больше сводится к манипулятивности, к элементам управления, к технической функциональности, все более квалифицированной, все более ценной для системы, и поглощающей все больше личностной энергии. При этом живая и неутилитарная часть человеческой личности все больше превращается в некий придаток, довесок к ее общественно-экономической функции, который система принимает во внимание вынужденно, с которым она считается по необходимости, и лишь постольку, поскольку от него пока что невозможно избавиться.

Еще одним фактором, способствовавшим эскалации отчуждения, явилось все более нарастающее с развитием информационного общества доминирование финансовой ипостаси экономики над товарной. Являясь превращенной товарной, денежная форма цены становится предпосылкой отчуждения в свою пользу многих реальных выражаемых ею свойств товаров. Эти свойства затем затушевывались, и заменялись свойствами самой денежной формы, которая тем самым становилась отправной точкой построения целой социальной системы со всем разнообразием ее связей. И эта социальная система может приобретать иррациональный характер лежащей в ее основании превращенной формы, что и происходит в анализируемых нами обстоятельствах: «Иррациональность вкрадывается в превращенное выражение лишь при определенных условиях (например, при самоотчуждении человека в его деятельности, отрыве ее общественного богатства и форм от личного содержания труда)» [4, с.4]. В результате этого, вся экономическая система производства приобретает иррациональную форму, при всей кажущейся рациональности ее содержания, которая оказывается вторичной по отношению к своим основаниям: «такой вторичной рациональной системой оказывается, например, функционирование товарного производства, хотя оно и содержит в себе глубоко фетишистские послышки» [там же].

И отчуждение, вырастающее из практических обстоятельств, сцепляется с описываемыми их теоретическими социогуманитарными

конструкциями и закрепляется ими. Так, одним из общепринятых определений, препятствующих осознанию отчуждения как такового, является распространенное представление о том, что «личность – понятие социальное», идущее от марксова определения личности как «ансамбля общественных отношений». Это функциональное редуцирующее определение, будучи к тому же вульгаристски интерпретировано, легко превращается в орудие теоретического оправдания отчуждения автономии индивидуальной личности в пользу социальной системы. На самом же деле личность представляет собой явление гораздо более широкое, далеко не ограниченное отношением к обществу как некой социологической данности, при том, что само «социальное» не есть некая твердо установленная и отработанная категория, эмпирически фиксируемая (даже у самого Маркса «общественное» сопровождается предикатом «чувственно-сверхчувственного», каковой употребляется им уже в определении товара), посему определять понятие личности через понятие социального вовсе не означает объяснять его и раскрывать его содержание через нечто более простое. И даже помимо этого всего, личность может определяться своим отношением не только к наличному в пространстве и времени обществу, но и отношениям к личностям и поколениям прошедшим, к другим обществам и культурам (особенно в информационную эпоху), наконец к своему воображаемому (т.е., ее понятие должно определяться, по меньшей мере, как «сверхсоциальное»). Однако, здесь у нас нет места подробным образом разбирать ошибочность и редуциционизм существующих и работающих понятий личности и разворачивать альтернативные; важно то, что эти и подобные им представления теоретически способствуют утрате личностями контроля за развитием социальной системы и, что еще важнее, чувства своей способности и уполномоченности ее контролировать, а так же препятствуют осознанию того, что система запрограммирована на медленное и незаметное, но верное и неуклонное отчуждение индивидуальной внеутилитарности в пользу социоэкономических структур и координирования с ними. «Это координирование осуществляется настолько успешно, что индивид чувствует себя скорее счастливым, чем несчастным... Счастье включает знание: оно – исключительная прерогатива animal rationale. Контроль над информацией, поглощение индивида повседневностью приводят к упадку сознания, дозированнойности и ограничению знания... И поскольку знание всей истины вряд ли способствует счастью, именно такая общая анестезия делает индивида

счастливым» [3, 94]. Таким образом, отчуждение от свободы тесно связано с отчуждением индивида от полной информации о самом себе, и оно выражается в принятии личностью частичных и редуцированных представлений о себе как окончательных. Т. Адорно тоже говорит о свободе в связи с общественным целым: «Безразличие по отношению к свободе, её понятию и самому предмету обнаруживается в интеграции общества, которой субъекты подвластны как неизбежному. В интересах интеграции – парализовать потребность в свободе, которой боятся, видя в ней незащищённость» [5, 196].

Не последнюю роль в утрате контроля индивида над обществом играет гипертрофированный в массовом обществе бюрократический метод администрирования. «Бюрократический метод можно было бы определить как такой метод, при котором: а) с людьми обращаются как с вещами; б) о вещах судят скорее по их количеству, нежели по их качеству, ибо это облегчает и удешевляет их учёт и контроль» [6, 207]. Фактически, официальный документ, являясь изначально опредмеченным свидетельством некоторых общественных добродетелей личности (таких как гражданственность, законопослушность, честность в делах), в бюрократической системе извращается по отношению к ним, подобно превращенной форме затирает многие включенные в них содержательные связи и замещает их собственными квазипредметными свойствами, среди которых первыми являются скрупулезность в бумажных делах, легкость в общении с властью, отличное ориентирование в коридорах кабинетной бюрократии. Таким образом, сверхразвитая бюрократия является существенным элементом механизма отчуждения свободы личности в пользу целого общественной системы, однако решающее воздействие на этот процесс, придавая ему окончательность и неотвратимость, имеет гораздо более тонкий, мощный и безотказный механизм привязки индивида к целому глобальной социоэкономической системы, который способен нейтрализовать само осознание личностью степени своего отчуждения.

Общество всегда в значительной мере контролировало отдельного человека через систему многообразных общественных отношений, однако, в постиндустриальном обществе XX века «сам механизм, привязывающий индивида к обществу, изменился, и общественный контроль теперь коренится в новых потребностях, производимых обществом» [3, 272] Эти новые потребности есть в значительной мере результат техногенного

развития социума, они не исходят из интересов индивидуальной личности, однако воспринимаются ею как свои собственные. Предположительно, такое положение дел оказалась возможным в силу естественного отставания индивидуальных потребностей личности от производительной способности мегаиндустрии массового общества, а так же благодаря используемой им чрезвычайно эффективной социальной стратегии, которая хорошо проанализирована исследователями постмодерна Ж. Бодрийяром, Ж. Делезом и Ф. Гваттари. Кроме того, контроль социотехнической системы над развитием общества не испытывает недостатка в рациональных оправданиях: «в современный период технологические формы контроля предстают как воплощение самого Разума, направленные на благо всех социальных групп и удовлетворение всеобщих интересов, так что всякое противостояние кажется иррациональным, а всякое противодействие немислимым» [3,273]. Насколько глубоко экономическое отчуждение проникло в структуру человеческой личности, можно судить по тому, как самые интимные ее аспекты превращаются в товар на продажу. Тот факт, например, что сегодня массово распространяются при помощи коммуникационных технологий и предлагаются за мизерную цену рифмованные признания в любви и оригинальные пожелания любимому человеку доброго утра и спокойной ночи говорит сам за себя. Дискурс рекламы настойчиво предлагает купить «счастье», «незабываемые впечатления», «безграничные возможности» и т.п.; абсурдность подобной ситуации, однако, может предстать очевидной только для неотчужденной индивидуальной личности, чье самовосприятие не преформировано доминирующей в обществе системой представлений. Эти и многие подобные факты социальной действительности прекрасно иллюстрируют, как оказалось, актуальные и на сегодняшний день наблюдения К.Ясперсом того, как «бытие человека сводится к всеобщему; к жизнеспособности как производительной единицы, к тривиальности наслаждения. Разделение труда и развлечений лишает

существование его возможного веса... Объективное удовлетворение духовных стремлений без личного участия гарантирует деловое функционирование, в котором регулируется утомление и отдых» [2, 40].

В виду всего вышеизложенного, можно заключить, что в постиндустриальном массовом обществе значительная часть человеческой свободы и самобытия оказывается отчужденной в пользу анонимных экономических и административных структур. Происходит тотальная манипуляция массами индивидов с целью наращивания производства и потребления. Человек оказывается также отчужденным от полного знания о самом себе, которое теряется и растворяется в потоке симулякров и мифологии, тиражируемых рекламой и СМИ. Всё это ведёт к растворению личности в массе, росту бездуховности и обезличиванию. Необходимо также заметить, что возрастание отчуждения является имманентным свойством массового общества, и его преодоление может быть достигнуто только осознанием личностью положения дел, её индивидуальными сознательными усилиями.

1. Маркс К., Энгельс Ф. *Капитал*. Соч. 2. изд. – Т. 23-25. – М., 1951.

2. Ясперс К., Бодрийяр Ж. *Призрак толпы*. – М.: Алгоритм, 2008. – 272 с.

3. Маркузе Г. *Эрос и цивилизация. Одномерный человек*. – М.: АСТ, 2002. – 526 с.

4. Мамардашвили М., *Превращенные формы* - <http://www.philosophy.ru/library/mmk/forms.html>

5. Адорно Т. В. *Негативная диалектика*. - М.: Научный мир, 2003. – 374 с.

6. Фромм Э. *Иметь или быть?* – М., 1986. – 322 с.

Бұл мақалада ақпараттық қоғамдағы жаттану мәселесінің негізгі қырлары талданған. Мұнда жаттану мәселесінің тарихи және логикалық алғышарттары қарастырылған.

This article is devoted to the exposing of alienation in mass-society, demonstrates the unity of logical and historical premises of alienation.